

ТАТЬЯНА БУЛАТОВА

**БЕРИ
И
ПОМНИ**

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Фотография на обложке: © Mint Images / Gettyimages.ru

Иллюстрация на 4-й стороне обложки и корешке:

© Xenia Snowstorm / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Булатова, Татьяна.

Б90 **Бери и помни / Татьяна Булатова. — Москва :**
Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-206937-6

Дуся Ваховская была рождена для того, чтобы стать самой верной на свете женой и самой заботливой матерью.

Но — увы! — в стране, где на девять девчонок, по статистике, восемь ребят, каждая девятая женщина остается одинокой. Дуся как раз была из тех, кому не повезло.

Но был у Дуся дар, который дается далеко не всем, — умение отдавать.

Семейство Селеверовых, к которым Дуся прикипела своей детской, наивной душой, все время указывало ей на ее место: «Каждый сверчок знай свой шесток».

Они думали, что живут со сверчком, а на самом деле рядом с ними жил человек, с которым никто не сравнится.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федорова Т.Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-206937-6

*Все совпадения в романе случайны.
События и персонажи являются
вымыслом автора*

Римка Некрасова жила в *бараке*. А Дуся — в однокомнатной *квартире* нового трехэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стерся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обреченная на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы — самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну оборонного предприятия.

Татьяна Булатова

Дуся как передовик вредного производства была делегирована на встречу с главой государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

— Кто это? — поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

— Щас узнаем! — пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чем не подозревавшую Дусю.

— Хороша! — отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи... В чем только ее не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребенок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвертого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестер, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

— Из Некрасовых мы...

Бери и помни

— Из каких это из Некрасовых? — интересовались собутыльники.

— Из тех... — многозначительно отвечал пролетарий и цитировал:

Гляжу...

забирается медленно в гору

Лошадка... а с нею — пацан и возок...

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а еще чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетированного: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колесами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работяги Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем баракком. Последний блин с медом достался участковому, а четверо детей — вдове покойника, плохо соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушел из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердобольные сотрудницы

Татьяна Булатова

вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

— Зна-а-аеете-е-е... Это я-а-а-а.

На ответное недоумение уточнила:

— Зи-и-иночка.

— Кого надо? — проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

— А Ваховские здесь живу-у-ут? — рыдая, поинтересовалась сотрудница.

— Дуньки нету дома, — отрезала трубка. — А сам-от на работе...

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно.

— Дай-ка мне, — раздраженно скомандовала самая старшая сотрудница финансового отдела, Клавдия Михайловна, и взяла инициативу в свои руки:

— С прискорбием сообщаю...

На том конце провода появился искренний интерес к собеседнику:

— Ба-а-а-а! Чо ли, помер сам-от?

— Помер... — сменила интонацию Клавдия Михайловна, отказавшись от протокола. — Сердце...

— Ба-а-а-а! — снова изумилась трубка и пообещала передать информацию дочери: — Чай скажу, чо мы, не люди, чо ли...

Бери и помни

Схоронили-помянули-забыли.

И только Дуся на каждую родительскую лезла на Майскую гору, прибирала и без того ухоженную могилку и буднично сообщала:

— Вот и я, пап. Замуж не вышла.

Через год число посещений кладбищенского приюта сократилось до разумного, но приветствие осталось почти таким же:

— Какой уж там замуж! Нет, папа.

Еще через год молча крошила пасхальное яичко и втыкала восковую ромашку рядом с голубой пирамидкой.

Когда Дусе исполнилось сорок три, позвали замуж. Имя и фамилия жениха стерлись из памяти быстрее, чем высохла земля после летнего ливня. Товарки по цеху кандидата в мужья подняли на смех из-за маленького роста: «В одном гробу можно хоронить. Как раз у тебя в ногах поместится!»

Дома Дуся с огромной печалью рассматривала в большом зеркале свои ноги. Не ноги, а высоковольтные столбы. Размер обуви — сорок два. Ни одни приличные туфли не достать. Что ж, на свадьбу в ботинках топать? И потом, смущала профессия жениха: дамский портной. «Это что же значит, — размышляла про себя Дуся. — Каждый день голых женщин обмеряет?» — «Да почему это голых-то?» — робко, шепотом подсказывал здравый смысл. «А каких же?!» — с уверенностью отмахивалась от него Дуся и ложилась в свою одинокую никелированную кровать с панцирной сеткой. Кровать привычно принимала большое хозяйское тело, приветствуя его жалобным скрипом.

Татьяна Булатова

У Римки, к слову, кровати отродясь не было. Спали вповалку на сбитом покойным Некрасовым настиле, друг на друге: взрослые — с краю, мелкотня — в серединке. Римка ненавидела этот коллективный сон, ненавидела сестер и братьев вместе с вечно поддатой матерью и приходившими к ней гостями. «А чо я?» — мычала глава осиротевшего семейства и натягивала на опухшую рожу засаленное одеяло. «Прав ее лишить!» — бунтовала третья половина барака и строчила жалобы участковому. До них ли было блюстителю порядка? На то он и барак, чтоб за чужими детьми присматривать. «В этом — сила коллектива!» — цитировал участковый неизвестно где подсмотренный или услышанный лозунг и шегольским жестом натягивал фуражку прямо на нос.

Дуся жениху отказала: какой от него прок? Квартира своя, жизнь налажена. Только людей смешить. А родить? А чего родить-то? Поздно уже. Сорок четвертый пошел. Ребенка в школе задрязнят: «Бабушка за тобой пришла!»

То ли дело Римка! Худая, мосластая, волосы гидроперитом выбелены, губы на пол-лица... По коридору в бараке идет, вихляясь. Халат распахивается, а под ним — ноги. Не ноги — мечта! Мускулистые, гладкие, кожа, словно лакированная, блестит в полумраке. Только и слышно: «Здрате, тетя Маш... Здрате, дядь Ген... Здрате... Здрате... Всем здрасте, уроды барачные! Это иду я, Римка Некрасова. Иду и ненавижу вас всех...»

Несколько раз Римку били. Свои же, тетки. Те самые, которые письма участковому писали, подкармли-

Бери и помни

вали, от материнских мужиков прятали, чтоб греха не случилось. Били и приговаривали: «Не зарься на чужих мужей, сучка!»

«Спите спокойно, тетя Маш, тетя Валь, тетя Люб, кому ваша пьянь нужна?!» — отбивалась Римка и с надеждой смотрела в конец длинного коридора. Где-то там, в дымной темноте, брезжила заря освобождения от оков барачной жизни. «А вдруг?..» — мечтала Римка и внимательно оглядывалась по сторонам.

Стороны разнообразием не изобиловали: дворовая шпана, районная шпана, шпана городского масштаба. «Не хочу!» — обиделась на скромное предложение судьбы Римка Некрасова и поступила в ПТУ номер пять на специальность «швея-мотористка».

Полгода вхождения в специальность завершились свадебным торжеством: Римка стала Селеверовой и переехала из одного конца барачного коридора в другой. Барак вздохнул с облегчением: опасность оказалась нейтрализована — у Римки наступила беременность, разрешившаяся двойней.

Забеременела мечтой и Дуся. О маленьком домике на шести сотках и чтобы «виктории» досыта, и цветы вдоль забора, и яблони по периметру. «Зачем тебе? — недоумевали многодетные тетки. — Ни детей, ни плетей. Квартира отдельная. Живи — радуйся. По курортам разъезжай. Романы крути!» — «Скажете тоже, романы!» — смушалась Дуся и потихоньку старилась на своем вредном производстве, продолжая мечтать о летнем счастье.

Татьяна Булатова

* * *

Встретились они в заводской женской консультации, где ожидали приема у участкового гинеколога. В живой очереди преимуществ не было ни у кого, кроме беременных и женщин с кровотечениями. Ни к первому, ни ко второму разряду сидевшие в коридоре, видимо, отношения не имели. Во всяком случае, про свою неожиданно наступившую беременность Римка еще не знала, ибо твердо верила в невозможность зачатия на фоне кормления грудью.

Дуся застыла на стуле как изваяние, напоминая ни много ни мало знаменитую египетскую Хатшепсут, причем как в фас, так и в профиль. Не хватало только каменного парика и скользящего по нему уреуса. Впрочем, их с легкостью замещало наклеенное на ватман изображение беременной женщины, под носом у которой были нарисованы продукты первой необходимости: творог, сыр, говяжья печень, фрукты и зачем-то градусник, показывающий идеальные тридцать шесть и шесть.

Римка сидела рядом, маленькая, сухонькая, как левретка. Разве что не тьякала. Она периодически вскакивала с места, подбегала к двери, заглядывала в замочную скважину и, хлопнув себя руками по бедрам, неслась в конец коридора к выходу, где около хлопающих дверей стояла огромная, как монумент, красная коляска под двойню. Подбежав к детскому транспортному средству, Римка заглядывала внутрь, облегченно выпрямлялась и сооб-

Бери и помни

шала хриплым голосом санитарке, сидевшей около гардероба: «Спя-а-ат!»

— Ну и слава богу, — с пониманием шамкала та беззубым ртом и позвякивала алюминиевыми номерками, нанизанными на серую бечевку.

Успокоившись, Римка возвращалась на место и бухалась на него своим костлявым задом. Через пять минут она вскакивала снова и начинала двигаться по уже хорошо освоенному маршруту.

— Го-о-о-споди! — застонала томившаяся в очереди старуха. — Сядь уже. В глазах рябит. Туды-сюды! Туды-сюды!

— А ты не смотри! — предложила Римка и вновь воткнулась глазом в замочную скважину.

— Так как же не смотри! Смотрится! Никакого покою нету.

— Покой тебя, бабка, на том свете ждет! — пообещала Римка и унеслась к коляске.

— Никакого уважения, — объявила на весь коридор старуха и на всякий случай встала у самой двери в кабинет, дабы эта «прошмандовка без очереди не шмыгнула».

— Правильно! — вразнойой поддержала очередь разобиженную бабку.

В этот момент Дуся вышла из оцепенения и посмотрела со своих хатшепсутовских высот на землю, затянутую затертым линолеумом больничного коридора.

— Вахо-о-о-вская! — выкрикнула медсестра и вновь исчезла за дверью.

Татьяна Булатова

— Меня, что ли? — глупо полюбопытствовала Дуся, приветливо улыбнувшись грозному часовому.

— Ну-у-у... — протянула старуха. — Коли ты эта... Ахонская... значит, тебя. Иди, чо ли, а то эта бесстыжа проскочит.

«Бесстыжа», углядев колебания в очереди, метнулась от коляски обратно.

— Меня? — подбежала Римка.

— Как же! Обязательно! Тебя! Вон энту... — Старуха ткнула в Дусю пальцем. — Ахонскую.

Римка с тоской посмотрела в полуприкрытые глаза Хатшепсут и опустила рядом на стул.

— Так чего же вы? — обратилась к ней Дуся. — Идите. Я — за вами...

Римка вытаращила от неожиданности глаза и подпрыгнула:

— Пра-а-вда?

Хатшепсут подмигнула правым глазом и указала на дверь. Очередь заворчала.

— Она за мной, — пророкотала Дуся и подтолкнула молодую мамашу к двери. — Идите-идите.

Римка сбросила обувь и ворвалась в кабинет.

— О-о-ох, на-а-аглая какая! За мно-о-о-ой она! — подвела итог старуха и вынесла приговор: — И ты тожа бесстыжа!

Так Дусю раньше никогда не называли. Повода не было. «Дылдой» да, звали. «Кобылой», «лошадью Пржевальского» — тоже. «Коровой» иногда. Дуся не обижалась, ибо свято верила: «Кто обзывается, тот так и называет-

Бери и помни

ся». Со школы она говорила обидчикам так, как советовал ей папа: «Вот сам (сама) ты это слово!» — и гордо поворачивалась к нему (ней) спиной.

Точно так же, как разбивались о глиняные ноги Хатшепсут всевозможные летающие насекомые, отлетело от Дуси и ее новое имя «Бесстыжа». Неумная старуха, обнаружив полное Дусино равнодушие, в долгу не осталась и презрительно уточнила:

— Ты! Ты... Неча отвертываться-то...

По очереди пронесся вздох осуждения. Пронесся и стих. Дуся прикрыла глаза.

— Э-э-эй, — потянула Дусю за рукав соседка справа. — Энта жиблая — дочка твоя, штоль?

— Кто? — растерялась Евдокия Ваховская.

— Энта. — Старушка кивнула на дверь.

У входа в кабинет по-прежнему стояла старуха, добровольно принявшая на себя обязанности общественного обвинителя, и грозно смотрела на Дусину соседку-ренегатку. Та, почувствовав на себе неодобрительный взгляд, потупилась и заговорщицки прошептала Дусе на ухо:

— Злые какие люди! Зверь прям, а не люди.

Не успела Дуся ответить соседке, как дверь кабинета распахнулась и из него вылетела Римка с лицом полной решимости:

— Вот сами и рожайте! — бросила она через плечо медработникам и стремительно направилась по знакомому маршруту в конец коридора.

Татьяна Булатова

— Девушка! — вскочила с места Хатшепсут. — Обувь! Обуться забыли.

— Чччерт! — выругалась Римка и вернулась обратно.

Старуха у дверей лакированной палкой пренебрежительно вытолкнула стоптанные босоножки на середину коридора.

— Костыль убери! — хрипло прикрикнула на нее Римка и отточенным движением вставила узкие стопы в выдавшие виды босоножки.

— Ты все-таки подумай, Селеверова, — обратилась к ней врач, не вставая с места. — С мужем посоветуйся.

— Сама с ним советуйся! — огрызнулась Римка и возобновила прерванное движение.

В кабинете у гинеколога Дуся пробыла ровно пять минут, чему очередь, растревоженная нерегламентированными подвигками, была чрезвычайно рада.

— Заходите! — объявила Ваховская и зашлепала по коридору, волоча за собой разношенные шлепки сорок второго размера. Впереди ее ожидало летнее счастье в виде дошатого домика, выкрашенного нежно-голубой масляной краской.

Дуся распахнула двери женской консультации и шагнула в июльское марево. «Па-а-арная!» — подумала про себя Евдокия Петровна и медленно начала спускаться с крылечка, ставя ноги боком — стопа не умещалась на покрытых растрескавшейся плиткой ступеньках. Дуся к такому неудобству привыкла, равно как и к тому, что на помощь ее всегда звали в числе первых: поддержать, донести, поднять, разгрузить. К тонкой работе ее обыч-

Бери и помни

но не привлекали, хотя умений у Дуси было более чем достаточно: кружева плела, вязала, расшивала бисером. В заводском Доме культуры ее работы даже на выставке представляли. Правда, глядя на них, трудно было представить, что сделано это Дусиными руками. Посетители подходили к торчавшей истуканом Евдокии и вежливо спрашивали: «Неужели это вы? Ни за что бы не подумали! Вам бы только подковы гнуть». Но Дуся не обижалась. Уж что бог дал, то дал...

Спустившись с крыльца, Дуся браво зашагала к дому с единственной целью: переодеться в рабочее — и в сад. Довольно быстро она догнала сгорбленную Селеверову, рывками толкавшую перед собою красную коляску, содрогавшуюся от детского рева.

Римка втянула голову в плечи, закусила губу и, не обращая внимания на визг младенцев, двигалась вперед с абсолютно тупым выражением лица.

— Девушка, — поравнялась с ней Дуся. — Хотите, я коляску повезу?

Римка не повернула головы. Похоже, от ора она просто оглохла.

Дуся, не дождавшись ответа, решила доброе дело в ящик не откладывать и самовольно взялась за отлакированную руками счастливой матери ручку коляски. Селеверова вздрогнула от неожиданности и приняла агрессивную позу.

— Да-вай-те я вам по-мо-гу, — по слогам произнесла Ваховская и улыбнулась угрюмой Римке.

Татьяна Булатова

— Давайте, — выдохнула та без тени признательности и добавила с остервенением: — Да замудохалась я тащить на себе этот гроб! Орут, как оглашенные.

Дуся даже ухом не повела, просто покатила коляску вперед, как будто делала это всю свою сознательную жизнь. Римка пристроилась рядом, еле приподнимая свои мосластые загоревшие ноги. Поблагодарить Дусю за вторично оказанную любезность ей даже не пришлось в голову. Казалось, Римку посетила какая-то дискретная амнезия, вследствие которой из памяти стерлось лицо уступившей ей очередь женщины. Да и сама Дуся на факте произошедшего час назад знакомства и не настаивала.

— Кто там у вас? — поинтересовалась Ваховская. — Мальчишки?

— Если бы... Девки.

— Девочки? — обрадовалась Дуся. — Можно посмотреть?

— А чо нельзя-то? Смотрите! То еще добро!

Дуся с трепетом заглянула в коляску и обнаружила в ней двух щекастых полугодовалых девиц.

— Близняшки? — восхитилась Ваховская.

— Не... разные. Одна вон — здоровущая, мордастая... А другая — еле вылезла, с кривошеей и срыгивает все время...

— А назвали как?

Римка наморщила лоб и, сделав над собой какое-то усилие, выговорила, поочередно указывая пальцем то на одну, то на другую девочку:

— Эта вот Анжелика. А это Элона.

Бери и помни

От того, как Римка переводила взгляд с одного младенческого лица на другое, менялся и ее голос. Похоже, имя «Элона» ей нравилось больше, так как произносила она его нараспев, даже хрипотца в ее голосе слышалась не так явственно:

— И-ло-о-о-она...

«Любимица», — подумала про себя Дуся и ткнула пальцем в щекастого младенца.

— Это Элона?

Римка презрительно взглянула на любопытную тетку, заподозрив ту в слабоумии.

— Это Анжелика. Вон рожа какая.

«Не любимица», — догадалась Дуся и перевела взгляд на покрытое испариной скукоженное личико второй девочки.

— Подвиньтесь-ка, — панибратски отодвинула Римка спутницу и вытащила одну из девочек из душного нутра красной коляски.

— Элона?

— Ну... Вспотела вся. И жрать хочет... — В Римкиных глазах промелькнуло что-то вроде жалости. — Скоро уже, — пообещала она дочери и скомандовала: — Быстрыей давайте.

Дуся послушалась и браво покатила коляску вперед по вытоптанной сотнями беременных и просто женщин тропке.

— Так быстрее, — объяснила она просевшей под тяжестью младенца молодой мамаше.

Татьяна Булатова

Римка не возражала: она пыталась не отставать от своей спутницы. Для этого Селеверовой приходилось делать большие шаги, отчего походка ее становилась тяжеловесной, а со стороны вообще казалось, что она передвигается прыжками, как лягушка.

— Вы где живете? — неожиданно догадалась поинтересоваться Дуся.

— Ленинградская, девять, — задыхаясь, сообщила Римка и взмолилась: — Можно помедленнее? Несемся, как идиотки!

Дусе не очень был понятен предложенный Селеверовой образ идиоток, но на всякий случай она решила ничего не уточнять и прислушаться к просьбе.

— Так вы же сами сказали, что девочек кормить пора!

— Я-а-а? — опешила Римка и остановилась как вкопанная. — Слушай, тетка, тебе чего надо-то от меня? Я вроде как нищим не подаю...

— Я не нищая, — насупилась Дуся, но коляску из рук не выпустила, а чуть-чуть помолчав, добавила: — Я, между прочим, тоже на Ленинградской живу. Пятый дом.

— Барский? — ехидно поинтересовалась Римка.

— Обыкновенный, — продолжала Дуся, не обращая внимания на подвох. — Вот и подумала, почему не помочь, все равно по пути.

Селеверова открыла рот, но неожиданно для себя промолчала.

— Немного осталось, — обнадежила Дуся вконец измотанную Элоной Римку и прибавила шаг.